

На правах рукописи

ЛОПУХИНА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ФОНЕТИКА ХОЛМОГОРСКОГО И ШЕНКУРСКОГО ДИАЛЕКТОВ
XVII В.**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: доктор филологических наук профессор
Галинская Елена Аркадьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Копосов Лев Феодосьевич,
заведующий кафедрой истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии ГОУ ВПО «Московский государственный областной университет»

кандидат филологических наук
Подшивалова Елена Александровна
(кафедра русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»)

Ведущая организация: Учреждение Российской академии наук
«Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН»

Защита диссертации состоится «___» _____ 2011 года в _____ на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 при ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го учебного корпуса ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Автореферат разослан «___» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Е.В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена реконструкции звукового строя холмогорского и шенкурского диалектов XVII в.

Объект изучения – два архангельских говора, холмогорский и шенкурский, которые не вошли в число диалектов, картографированных в Диалектологическом атласе русского языка¹, а согласно «Опыту диалектологической карты русского языка в Европе»², были причислены к Поморской группе северновеликорусского наречия.

Предмет изучения – фонетические системы холмогорского и шенкурского говоров XVII в., восстанавливаемые по материалам местной деловой письменности XVII в. и диалектным записям XX - XXI вв.

Актуальность работы определяется тем, что до настоящего времени в лингвистике не предпринимались попытки восстановить и описать фонетику холмогорского и шенкурского говоров применительно к предшествующим эпохам их существования, притом что эти диалекты сейчас характеризуются яркими языковыми особенностями и выделяются среди архангельских и, шире, севернорусских говоров. Таким образом, без исследования истории и генезиса холмогорского и шенкурского говоров картина формирования диалектных фонетических явлений на территории Европейской части России оказывается неполной.

Цель работы – реконструировать фонетический строй холмогорского и шенкурского говоров XVII в. и показать динамику их развития. В соответствии с целью исследования в диссертации поставлены следующие **задачи**: 1) исследовать рукописные памятники XVII в. и материалы диалектных записей XX - XXI вв. и восстановить на их основе вокализм и консонантизм холмогорского и шенкурского диалектов XVII столетия; 2) сравнить фонетические системы обоих говоров между собой и проследить их изменение до начала XXI в.

Материалом исследования послужили скорописные памятники деловой письменности, датированные XVII в. Холмогорский говор был реконструирован на основании рукописей из фонда Антониева Сийского монастыря, общий объем исследованных документов составил 31 рукопись (761 лист). Все исследованные памятники хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), фонд 1196³. Дополнительным источником для реконструкции холмогорского говора

¹ Диалектологический атлас русского языка (центр Европейской части СССР). Вып. I. Фонетика. М., 1986.

² Опыт диалектологической карты русского языка в Европе (с приложением «Очерка русской диалектологии»). Составили Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. М., 1915.

XVII в. послужил словарь-дневник англичанина Ричарда Джемса, составленный в 1618-1619 гг. в Холмогорах. Этот памятник письменности исследован и издан Б.А. Лариным⁴. Шенкурский диалект был восстановлен по данным деловых документов из Важского Богословского монастыря. Основная часть рукописей хранится в Государственном архиве Архангельской области (ГААО), фонд 829⁵, небольшое количество исследованных памятников находится в РГАДА, фонд 1460⁶. Общее количество изученных рукописей из Важского Богословского монастыря составляет 126 единиц (1560 листов). В жанровом отношении все исследованные тексты представляют собой отводные, а также приходные, расходные и приходо-расходные книги, написанные местными дьячками или монастырскими старцами.

Метод исследования, как это принято в работах по исторической диалектологии, состоит в анализе орфографической системы рукописей и выявлении отклонений от нее. Именно за этими отклонениями, не являющимися описками, усматривается отражение диалектных фонетических явлений. Полученные результаты сопоставляются с материалами описательной диалектологии. Для реконструкции холмогорского говора были использованы записи 1907 г. (сделанные А. Грандилевским⁷), 1952 и 1956 гг. (автор исследования – Л.И. Пирогова⁸) и 2010 г. (материалы собраны автором диссертации). Для восстановления шенкурского диалекта были привлечены записи 1912 г. (сделанные В. Мансиккой⁹), 1974 - 75 гг., а также 2007 г. (зафиксированные на аудионосителях во время экспедиций филологического факультета МГУ в село Шеговары), кроме того, были использованы фольклорные материалы

³ Опись 1 (№№ 1, 1а, 2), опись 3 (№№ 1 - 4, 6, 9, 10, 17, 18, 20 - 22, 24, 26 - 29, 32 - 34, 42, 43), опись 5 (№ 10), опись 6 связка 1 (№ 1), опись 7 связка 1 (№ 16).

⁴ Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618 - 1619 гг.). Л., 1959.

⁵ Опись 2 (№ 1 - 19, 21 - 25, 27 - 67, 71, 73, 80), опись 3 (№ 2, 3, 5, 8, 12, 13); опись 1 (№ №608, 609, 615, 696, 718, 719, 752, 773, 786, 791, 795, 807, 813, 931, 941, 942, 950, 984, 992, 1025, 1026, 1046, 1126, 1149, 1208, 1219, 1230).

⁶ Опись 1 (№№ 2 - 6, 9, 11 - 17, 19, 21, 22, 24 - 27).

⁷ Грандилевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сборник ОРЯС. АН, том 83. № 5. 1907.

⁸ Пирогова Л.И. Описание говора 6 пунктов Холмогорского района Архангельской области (по материалам экспедиций 1952 и 1956 гг.) // Материалы и исследования по русской диалектологии, Т. 134. М., 1959.

⁹ Мансикка В. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии // Академия Наук. Известия ОРЯС. 1912. Т. 17. кн. 2.

из журнала «Живая старина», изданные с сохранением особенностей местного говора¹⁰.

Научная новизна исследования состоит в том, что в диссертации впервые проведено подробное описание вокализма и консонантизма двух архангельских говоров XVII в. – холмогорского и шенкурского, – реконструированы и сравнены их характерные фонетические особенности, прослежено развитие обоих диалектов во времени (с XVII в. до наших дней); кроме того, выявлено сходство исследованных говоров с другими архангельскими диалектами того же периода.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что исследованный и описанный материал, а также выводы, к которым он позволил прийти, увеличивают объем данных, которыми оперируют такие активно развивающиеся научные дисциплины, как русская историческая лингвогеография и описательная диалектология.

Практическая ценность работы состоит в том, что ее результаты и приводимый в ней материал рукописных источников XVII в. и современных архангельских говоров могут быть использованы в пособиях по исторической фонетике, исторической и синхронной диалектологии русского языка, при чтении лекционных курсов и проведении семинарских занятий по данным дисциплинам.

На защиту выносятся следующие положения

1. В XVII столетии системы ударного и безударного вокализма холмогорского и шенкурского диалектов имели ряд сходных черт: сохранение особой фонемы <ё> в ударной позиции, нерегулярность перехода ударного [e] в [o], предударное и заударное ёканье, усиление лабиализации [o] в [y] в безударных слогах и т.д.

2. Консонантные системы холмогорского и шенкурского говоров XVII в. были во многом похожи. Обоим диалектам было свойственно взрывное <г>, <в> губно-зубного образования, мягкое цоканье, твердость шипящих согласных и т.д.

3. Некоторые различия в звуковом строе реконструируемых говоров XVII в., а именно задержавшийся переход [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] в шенкурском диалекте и непоследовательное изменение [a] в [e] между мягкими согласными в холмогорском говоре, обусловлены разной скоростью эволюции фонетических систем диалектов.

4. Характерное для шенкурского говора XVII в. произнесение [и] на месте *ё в 1-ом предударном слоге между мягкими согласными, наличие

¹⁰ Живая старина: периодическое издание отделения этнографии русского географического общества. Пг., Вып. 3. 1899; Вып. 4. 1917.

заднерядного [ы] в предупредных слогах, а также [кл] на месте *tʃ, видимо, обусловлены специфической историей заселения края.

5. Шенкурский диалект, соседствовавший с вологодскими говорами и испытавший на себе их влияние (отмеченное в XX в.), в XVII столетии по многим пунктам отличался от них (речь идет, прежде всего, о судьбе фонемы <ё>, качестве <в> и реализации долгих шипящих согласных).

6. Ряд фонетических особенностей холмогорского и шенкурского диалектов совпадает со звуковыми особенностями других архангельских говоров того же периода (например, сохранение в XVII в. под ударением особой фонемы <ё>, усиление лабиализации [o] в [y] в предупредном положении, непозиционная твердость / мягкость согласных, наличие шепелявых свистящих согласных и др.).

7. Холмогорский и шенкурский диалекты XVII в., а также некоторые другие архангельские говоры того же периода, имея сходные черты, отличались от остальных севернорусских говоров XVII в., реконструированных по памятникам письменности, то есть архангельский диалект в широком смысле слова составлял некую языковую общность уже четыре столетия назад.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в 6 публикациях, они также излагались в докладах на конференциях «Ломоносов-2007», «Ломоносов-2008», «Ломоносов-2011» (МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет). Работа прошла апробацию на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** характеризуется тема диссертации, рассматриваются основные работы, посвященные реконструкции некоторых архангельских диалектов прошлого и описанию современных архангельских говоров, формулируются цели и задачи исследования. Здесь же дан очерк истории заселения края – эта информация важна для понимания того, как сложились холмогорский и шенкурский диалекты. Рассматривается вопрос о дославянском, финно-угорском, населении Поморья, рассказывается о первой волне колонизации архангельских земель новгородцами и об основных путях из Новгорода в Поморье, затрагивается вопрос о втором колонизационном потоке переселенцев из центральной Руси, в числе которых преобладали ростовцы. Территория современного Шенкурского

района Архангельской области в XIV - XV вв., видимо, представляла собой чересполосицу новгородских и ростовских владений. Получается, что холмогорский и шенкурский диалекты имеют финно-угорский субстрат, а носители славянских диалектов проникали в Поморье из Новгородской земли и из Ростово-Суздальского княжества.

Далее во Введении дается характеристика материала, на котором строится исследование, и объясняется методика реконструкции диалектов по материалам памятников письменности.

В главе 1 «Холмогорский диалект XVII века» прежде всего приводится полный список рукописей, материалы из которых легли в основу работы.

Раздел 1.1.1 посвящен реконструкции ударного вокализма холмогорского говора. В первую очередь рассматривается вопрос о судьбе древнего *ё. На основании анализа многочисленных написаний с буквами *ѣ* и *е* на месте этимологического *ё перед твердыми, мягкими согласными и на конце слова делается вывод о том, что фонема <ё> в холмогорском говоре XVII в. под ударением еще существовала, однако процесс ее утраты уже начался. Видимо, менее активно он шел перед твердыми согласными. Написания с *и* на месте *ё во флексиях – в таких формах, как *к реки, на гу^ни, на Луки* и др., – отражают морфологическую особенность говора, неоднократно фиксировавшуюся позднее. Правомерность сделанных выводов подтверждают, во-первых, диалектные записи XX - XXI вв., в которых спорадически отмечается произнесение дифтонга [ие] на месте *ё перед твердыми согласными: *мѣра, сѣно; пѣсня* (записи начала XX в.), [л'и́етом, згор'и́ла] (записи 2010 г.). Во-вторых, в словаре-дневнике Р. Джемса, который он вел в начале XVII века в Холмогорах, преобладают написания, свидетельствующие о произнесении [ê] перед твердыми и мягкими согласными: *leato, oreach, seana; peasna* и т.д. (буквосочетанием *ea* обозначался напряженный закрытый гласный [e]). Получается, что в XVII веке в системе ударного вокализма холмогорского говора действительно еще была фонема средне-верхнего подъема <ё>.

В том же разделе рассматриваются случаи изменения [e] в [и] между мягкими согласными под ударением и гиперкорректная замена [и] на [e] в холмогорском говоре XVII в. (*у казначия, Ондрию; у Василе^ски*), наличие таких примеров обычно связывают с судьбой *ё.

Второй раздел (1.1.2) посвящен вопросу о переходе ударного [e] в [о] перед твердыми согласными. В рукописях из Антониева Сийского монастыря отмечены написания типа *чо^рные, пришо^л, подо^ржана, зельонные, Семьону,*

которые свидетельствуют о наличии результатов изменения [e] в [o] перед твердыми согласными. Однако ряд примеров с буквой *ѣ* вместо *е* или *о* (например, *о^тнѣ*, *чѣрново*, *жеребѣнка*, *варѣно^н*, *рублѣ^с* и др.) указывают на то, что это изменение происходило непоследовательно. Такая нерегулярность перехода [e] в [o] сохранилась в холмогорском говоре до сих пор: *пѣрышко*, *одѣжа*, *медѣ* (записи начала XX в.); [поп'ер'ѣк, в'ѣдр'иѣо, зајд'ѣм] и др. (записи 2010 г.).

В разделе 1.1.3 рассматриваются случаи изменения ударного [a] в [e] между мягкими согласными. В рукописях отмечено мало примеров, которые могли бы свидетельствовать об этом явлении, тогда как более поздние записи диалекта говорят о регулярности перехода [a] в [e] под ударением: *глень*, *деветь*, *дрень*, *опеть*, *петь* («пять») и др. Видимо, в XVII веке в холмогорском говоре этот процесс только начинался.

Вопрос о наличии в исследуемом диалекте фонемы <ô> поставлен в разделе 1.1.4. Ряд написаний с *о* вместо *у* (*по^ввицы*, *Капо^сти^н*, *с по^дпо^укою*), предположительно гиперкорректных, случаи произнесения закрытого гласного в словах [скѣл'ко, коурѣва, дорѣга, розбѣјн'ик'и; днѣ^о, полнѣ^у робѣты] (записи середины XX в. и 2010 г.), а также наличие фонемы <ѣ> в холмогорском говоре XVII в. позволяет предположить, что в этот же период в диалекте могли сохраняться следы фонемы <ô>.

В разделе 1.2 восстанавливается вокализм безударных слогов холмогорского говора XVII столетия. Описание системы вокализма безударных слогов имеет довольно сложную структуру. В диссертации основой для классификации является положение после твердых согласных и в абсолютном начале слова или после мягких согласных, шипящих и <ц>. Внутри каждого раздела последовательно рассматривается материал первого предударного, второго и других предударных, а также заударных слогов. Применительно к положению после мягких согласных шипящих и <ц> внутри этих разделов материал дополнительно разделяется по позициям перед твердыми и перед мягкими согласными.

В разделе 1.2.1, посвященном вокализму после твердых согласных и в абсолютном начале слова, показано, что холмогорскому говору XVII в. было свойственно полное оканье. Об этом свидетельствует этимологически верное употребление букв *а* и *о* во всех безударных слогах, даже в тех, где этимологически был *о, но под влиянием акающего произношения закрепилась и кодифицировалась буква *а*: *борана*, *борановые*, *кропивы*, *стокановѣ*, *ро^схо^дные*, *с Ро^збоиницы* и мн. др. Отдельные случаи замены *о* на

а и обратные объясняются в основном межслоговой графической или фонетической ассимиляцией.

Кроме того, в рукописях отмечены написания, из которых следует, что в реконструируемом говоре было усиление лабиализации [o] в [y] во всех безударных слогах (*клубукъ*, *Мурошки*¹¹; *жемчюгу*^м, *воилукъ*). Оно возникало чаще всего в соседстве с губными, заднеязычными согласными и [л]. Это явление сохранилось в говоре до сих пор: *будáть*, *мурóзить*, *бульнóй*; *угурéць*, *укунíсь*; *яблоку*, *мéлучи* (записи начала XX в.); [хулóдна, к вурóтам, хурóша; угорóт, угорóд'н'ик; кóн'ухум, рáзум] (записи 2010 г.).

В безударных слогах после мягких согласных, шипящих и <ц> в окающих говорах традиционно реконструируются звуки на месте древних *ě, *e (и *ь в сильной позиции)¹¹ и *a. В диссертации этому посвящается раздел 1.2.2. В первом предударном слоге в холмогорском говоре XVII в. фонема <ě> уже утратилась и совпала с <e>, о чем свидетельствуют многочисленные написания с буквой *e* вместо этимологически правильного *ѣ*. Однако звук [e] не единственная реализация *ě в предударном положении. Пример из рукописи *Стефане*⁴ *Голянищо*⁶ позволяет предположить, что на месте этимологического *ě также изредка произносился открытый гласный типа [a], а записи 2010 г. [б'ажы́т, п'ашкóм, гн'аздó, б'ады́, п'аску́, м'ашóк, в р'акú, в'акóм] и др. – подтвердить это предположение. Получается, что за написанием *Голянищо*⁶ скрывается отражение исходного произношения гласного *ě открытого типа. Видимо, в холмогорском говоре XVII в. такая реализация древнего *ě была реликтовой.

В соответствии с *e реконструируется произнесение [e]. Перед твердыми согласными, видимо, также возможен звук [o] (об этом свидетельствуют написания типа *у ного ж*, *тро́ки*, *пешоходныхъ* и др.). В ряде случаев *e* заменяется на *и*: *Стипановъ*; *ева*^н*гилиты* – вероятно, за этими словами стоит отражение произношения (ср. записи начала XX в.: *систра́*, *мижá*, *пирó*; *рибáта*, *нильзá*, *либéдка* и др.). Еще одна реализация *e была, судя по всему, в открытом гласном типа [a]: *пиняжани*^н, *рѣшато* и др. Это подтверждается материалами современных записей холмогорского говора, где все исследователи слышали открытый гласный: *вясна́*, *пятау*□*хъ*, *вярши*□*на* (начало XX в.), [побр'адú, пов'арну́лас', у с'астры́] (50-ые гг. XX в.); [пол'ажы́т, л'ажы́т, р'амóнт, в'асно́j, у н'авó] и мн. др. (2010 год). Объяснение такому явлению может быть следующим: существует предположение, что различия между *ě и *e в некоторых праславянских диалектах, которые легли в основу древнерусского языка, основывались на отношениях долготы /

¹¹ Далее для краткости будет употребляться обозначение «на месте *e».

краткости, а не тембра. Об этом свидетельствуют заимствования в прибалтийско-финских языках из новгородского и псковского диалектов, в которых *ё передавался через ää, а *е – через краткий ä¹². Таким образом, в рукописях из Антониева Сийского монастыря нам встретились реликтовые случаи отражения произнесения открытого гласного типа [a] на месте *е.

В соответствии с этимологическим *а после мягких согласных в текстах изредка встречаются написания с буквами е, ѣ в положении перед мягкими: е^име^и, мѣки^иницы и др. Однако таких примеров мало. Если сопоставить примеры реализации *а в первом предударном слоге с тем, что было установлено для позиции под ударением, то можно сделать вывод о нерегулярности изменения [a] в [e] между мягкими согласными в предударном положении в холмогорском говоре XVII в.

Реконструкция вокализма первого предударного слога после мягких согласных, шипящих и <ц> в холмогорском диалекте XVII в. может быть представлена в виде таблицы:

Перед твердыми согласными		Перед мягкими согласными
е ('а)	*ё	[e] (и ['a])
[e], ['o], ['a], ([и])	*е, *ь	[e], редко [и]
[a]	*а	[e], [a]

По ряду черт получившаяся система сходна с теми, которые С.К. Пожарицкая выделила в северо-восточной группе окающих говоров¹³.

Далее в диссертации описывается вокализм второго и других предударных слогов после мягких согласных, шипящих и <ц>. Он типологически сходен с вокализмом первого предударного слога. Их объединяет произнесение [e] из *ё и случаи реализации *е в звуке типа [a] (на Ярофе^икѣ, япа^ичю).

В заударном положении на месте *ё восстанавливается [e], однако в небольшом числе слов в окончаниях пишется и (на Паздерихи, Фе^ики дано, в повальши, в ку^иницы и др.), что является морфологической, а не фонетической особенностью холмогорского говора. Древнее *е реализуется в звуках [e], ['o] (ла^ирво^и, на Ширшому, сани пошо^ини и др.), [и] (Офона^иива, Леонтьивъ, дьячи^и; арха^иги^иски^и и др.), а также в отдельных случаях в [a] (уляди, Лебядевъ, ко^имого^ицавъ). На месте этимологического *а наряду с

¹² Касаткина Р.Ф. Рефлексы *ё в некоторых севернорусских говорах // Вопросы языкознания. 1991, № 2.

¹³ Пожарицкая С.К. Изоглоссы типов предударного вокализма после мягких согласных на территории севернорусских говоров // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 109.

буквой **я** иногда пишется **е** или **ѣ**: *десе̑теры, тысе̑ча, зае̑чья, ворочели, прине̑*; *два̑цѣ̑ть, ня̑на̑цѣ̑* и др., что, видимо, отражает реальное произношение писавших.

Наконец, в разделе 1.2.3 описывается последний вопрос, касающийся вокализма холмогорского диалекта, это вопрос о вставных гласных. В рукописях XVII в. они встречаются либо в соседстве с сонорными (*пала̑чу по 2 гривны, Ивана Луко̑янова*), либо на месте слабых редуцированных для избежания труднопроизносимых сочетаний звуков (*в Куре̑кую воло̑ть, подоше̑, в важе̑ко̑*). Эпентетические и протетические гласные отмечаются в холмогорском говоре и позднее: [оржанó], [оржань́је] (записи 2010 г.); *но̑готём̑ь, ло̑котём̑ь, соза̑ди̑, доли́на* («длина») (записи начала XX в.).

В разделе 1.3 рассматривается консонантная система холмогорского диалекта. Сначала разбираются вопросы, касающиеся поведения губных спирантов (раздел 1.3.1). На основании написаний, в которых отражается оглушение [в] в [ф] (*о̑ф̑сяно̑, моско̑ф̑ские, выли̑ф̑щико̑* и др.), и гиперкорректных (где пишется **в** на месте исконного **ф**, например, *ка̑та̑, полука̑танье, та̑то̑*) делается вывод о губно-зубной артикуляции звонкого спиранта, ведь, как известно, только он может изменяться в [ф] в слабых позициях. Написание *у средне̑ и̑бѣ̑*, в котором на месте предлога **в** пишется **у**, можно считать остаточным явлением реализации <в> в звуке [w] или [ǔ], что, по свидетельству А.А. Шахматова, было свойственно говору ранее¹⁴. Кроме этого, в холмогорском говоре XVII в. внутри слова на стыке двух гласных мог возникать эпентетический звук [в] (*Ларивону, Леванид̑ь*), отмечено также несколько примеров с [в] протетическим (*на во̑ре*). Такие явления спорадически отмечаются до сих пор: [зако̑в̑улка̑м'и, по ра̑д'иво̑]; [во̑стры̑], [во̑з'еро̑] (записи 2010 г.). Последний вопрос, связанный с губными спирантами, – это вопрос об усвоении холмогорским говором XVII в. фонемы <ф>. В основном на месте исконного **ф** пишется буква **ф**, однако в примерах *Иосипу, Анти̑ф̑ив̑ь, у ти̑фи̑ца* имеет место замена [ф] на [п] или гиперкорректные замены [п] → [ф], [хв] → [ф]. Правда, в последнем примере мы не можем исключить вероятность усвоения слова *ти̑ф̑ине̑ць* уже в такой огласовке. Итак, можно считать, что холмогорскому диалекту XVII в. была свойственна фонема <в> губно-зубного образования, говором также были усвоены фонемы <ф>, <ф'>, а отдельные случаи отступления от такого положения вещей являются реликтовыми, то есть отражают предыдущее состояние диалекта.

¹⁴ Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. С. 83.

Вопросы, связанные с заднеязычными согласными, поднимаются в разделе 1.3.2. Установлено, что в живом произношении писцов фонема <г> была смычной взрывной, о чем свидетельствуют написания *воло^кженину* (с гиперкорректным отражением оглушения [г] в [к]) и *гво^здья погу^нново*, где отражается непозиционное озвончение согласного [к] в [г]. Примеры типа у *Енадия*, *Ермогенъ* и др. отражают лишь книжное произношение [γ], с которым монастырские старцы и дьячки должны были быть знакомы (за буквой *е* стоит [j] + гласный, а [j] акустически сближается с [γ]). В холмогорском говоре было, вероятно, переходное смягчение заднеязычных согласных. Прямых указаний на это фонетическое явление в рукописях нет, однако в записях говора XX - XXI вв. примеры произнесения [д'] на месте [т'] отмечены: *Евдѣний*, *áндедь* (начало XX в.); встречается также гиперкорректное [к'] вместо [т']: *Костянкѣнъ* (начало XX в.), [к'есто] (2010 г.). Возможно, описываемое явление было свойственно говору и в XVII в. В изученных рукописях нет свидетельств сохранения сочетаний [кы, гы, хы], судя по всему, они изменились в [к'и, г'и, х'и] еще до XVII столетия.

Шипящие согласные рассматриваются в разделе 1.3.3. Для XV в. применительно к двинским говорам восстанавливаются мягкие [ш'] и [ж'], процесс отвердения которых уже начался¹⁵. Для холмогорского говора XVII в. реконструируется твердое произношение [ш] и [ж], ср. примеры из рукописей: *докашывали*, *а^ршыны*, *нашы^вка*; *дружынке*, *жы^тно^и*, *продажы*, *свѣ^жыхъ* и др. Однако написания из исследованных памятников XVII в. *кошюля*, *шюба*, а также свидетельства начала XX в.: *вѣшьний*, *плашьмя*, *сбшька*; *мбжьнѣ* – доказывают, что отвердение шипящих в XVII в. еще не закончилось. Видимо, в рукописях отражается та стадия развития диалекта, когда фонемы <ш> и <ж> уже в основном отвердели, но звуки [ш'] (и предположительно, [ж']) еще существовали, они окончательно исчезли лишь к середине XX в. Долгие шипящие согласные (раздел 1.3.4) в холмогорском диалекте XVII в. звучали твердо (см., например, *при^ѣжые*, *во^{жс}жы*; *же^нщынамъ*, *прикащыка* и др.) и не имели смычного элемента в своем составе, об этом свидетельствуют написания типа *во^{жс}жы*, *во^{жс}же^и* и орфограммы, в которых присутствует мена *ш* / *щ*: *бо^лщая*, *хо^лщевон* и др. Такое произношение долгих шипящих согласных сохраняется в говоре до сих пор. В одной из рукописей отмечено написание *со ш^тми*, *шти^нны^х*, возможно, этот вариант слова «щи» был лексикализован.

Вероятно, в XVII в. холмогорскому говору было свойственно шепелявое произношение мягких свистящих согласных (раздел 1.3.5). Это

¹⁵ Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. С. 94.

заключение делается на основании материалов словаря-дневника Р. Джемса, в котором встречаются написания, отражающие произношение типа *с''емга, сус''едка, лос''и, с''енокос, с''еврюга, дес''етина; з''ипун, з''ернщик, указ'', жорна* («зерна») и др.; оно подкрепляется записями говора XX в.: *шемна́дцать; зéмчюгъ* (начало XX в.); [шэс'', фс''э, с''эна, нас''этка, с''егóд'н'а, с''ем'já; з''эмл'у, з''д'эс', вз''ал'и, куз''н'эц] (50-ые гг. XX в.). Можно полагать, что написания *щтаны* и *свѣжее* косвенно отражают шепелявое произношение мягких свистящих согласных и в холмогорском говоре XVII в.

Вопрос о характере употребления аффрикат (раздел 1.3.6) является одним из самых сложных, так как в рукописях XVII в. цоканье в основном не отражалось, а также существовала традиция, запрещающая передавать мягкость аффрикаты [ц] на письме. В текстах, по которым восстанавливается холмогорский диалект, отмечен лишь один пример, свидетельствующий о мягком произношении [ц'], – *по°вици* («пуговицы»). Кроме того, в рукописях есть ряд примеров, которые доказывают, что в реконструируемом говоре на месте *ч звучала свистящая аффриката: *црѣнь, по°цѣре°ные* («черен» – сковорода для выпарки соли; солеварный котел); *прицѣлину* («причелина» – доска, прибитая над дверями, воротами; подоконник), которая, видимо, была мягкой. Дело в том, что мягкое цоканье встречается в холмогорском диалекте до сих пор ([хлѣбниц'а, кон'эц', отелиц'а, пј'ан'иц'а; кúц'и, ц'есóф, ц'ис'т'ил'и, с'м'эц'ут, п'эц'к'и, нóц'и] и мн. др.), однако ему на смену уже приходит различение аффрикат. Вероятно, в говоре XVII в. было также произношение аффрикаты *ц* с утратой фрикативного элемента, в результате чего возникали написания типа *се°чи, с°ри°чи, соже°чи, кирпи°чи*^к.

В разделе 1.3.7 рассматривается вопрос о поведении согласных в позиции сандхи перед <и>. Установлено, что все типы согласных (губные, зубные и заднеязычные) перед <и> на стыке двух слов или предлога и знаменательного слова сохраняют свою твердость (например, *в ыздер°ки, с ыпо°ками, к Ывану*).

Далее в работе исследуется явление непозиционного оглушения и озвончения согласных (раздел 1.3.8), примеры которого отмечены в рукописях XVII из Антониева Сийского монастыря. Непозиционное озвончение бывает перед гласными: *хо°жево°*, *взякие, запоги, позу°ново* («покупного»), *зибу°*, *б по°зому°нико°*; и перед сонорными: *пя°ница, в у°лату, с по°никами* («потник»). В таких же позициях отмечено и непозиционное оглушение согласных: *фъли°щико°* («выливщикам»), *па°маки, 4 са°ка висячи°*^х, *штаны селеные, по°селенымъ су°но°*; *от°норядо°но°*. На фонетический характер этих написаний указывают примеры из словаря-дневника

Р. Джемса: *zich* («сыч»), *ozen*, *zelezen*, *zuxhari*, *glhobuke* («клобук»); *botfinia*, *sfershoke*, *saietz*, *tamoshna*, *snait*. В истории языка существует несколько гипотез относительно природы этого явления. Часть исследователей считает, что причина возникновения непозиционного оглушения и озвончения связана с финно-угорским субстратом; другие полагают, что данное явление обусловлено противопоставлением согласных не по глухости / звонкости (как в литературном языке), а по напряженности / ненапряженности. Дифференциальная значимость последней категории в консонантной системе говора может иметь как следствие примеры непозиционной глухости / звонкости согласных, что мы восстанавливаем для холмогорского диалекта XVII в.

Следующий раздел диссертации (1.3.9) посвящен вопросу о непозиционной твердости / мягкости согласных. Написания, отражающие это явление, если они не являются описками, могут возникнуть по ряду причин. Во-первых, написания «несмягчающих» гласных после *p*, очевидно, свидетельствуют об отвердении этого звука в диалекте (*крыничны^x*, *грузи^l вары*, *не варыла*, *че^mверыка*, *Симеоⁿ Курака* и др.). Обратная же ситуация, судя по всему, – орфографическая или фонетическая гиперкоррекция (*по^kрита су^kно^m*, *кри^lцо*). Во-вторых, в сочетаниях «согласный + *n*» качество [н] зависело, вероятно, от твердости или мягкости предшествующего согласного, в связи с чем возникали следующие написания: *зимные*, *с ве^pхные да с ни^сные*, *домашному*; *льню*, *саⁿни^x*, *ра^mни^x*. Примеров собственно непозиционного смягчения и отвердения не так много: *по^pти*; *кульчь*, *се^pмажноⁿ*, *Ныколь^cкие воло^cти*, *оловаⁿные*. Существуют два объяснения этого явления: влияние финно-угорского субстрата и апикулярная артикуляция согласных в консонантной системе диалекта. Апикулярная артикуляция переднеязычных согласных препятствует палатализации согласных вследствие физиологического несовпадения артикуляторных актов, поэтому степень смягчения апикулярных согласных меньше, чем дорсальных (как в литературном языке).

В рукописях отмечено много случаев позиционного оглушения и озвончения согласных, это явление описывается в разделе 1.3.10, приведем отдельные примеры оглушения: *шуⁿку*, *рыⁿку* ([б] → [п]), *на сере^m Двины*, *и^mти*, *ре^mкое*, *гла^mкая* ([д] → [т]), *у слу^шки*, *кру^шка*, *сере^шки*, *зало^шку* ([ж] → [ш]), *у^cкого*, *2 повя^cки*, *185 свя^cковъ*, *ни^cкие* ([з] → [с]); и озвончения согласных: *о^d двена^mца^m* ([т] → [д]); *³борщикъ*, *³борнымъ*, *³бѣжалъ* ([с] → [з]).

Написания, в которых отражается упрощение групп согласных, диссимиляция и ассимиляция (раздел 1.3.11), часто встречаются в рукописях

XVII в. из Антониева Сийского монастыря, это свидетельствует о том, что многие слова писцы записывали со слуха. Примеры ассимиляции: *рукавицы со сста^бками* ([вс] → [сс] – ассимиляция по месту образования) и *възя^л, съ Юры, съ ево, письче^и, письчево* (регрессивная ассимиляция по мягкости). Диссимиляция бывает по способу образования (*хто, до^хтурова, Гала^хтио^н, х^кнжому д^ѣлу, х ка^значею*) и по месту образования (*из а^нбара, а^нба^р, а^нбари^шко, а^нбарець* и др.). Упрощению в основном подвергаются группы из трех согласных (*к пра^знику, ше^здеся^м, по^снику*), однако есть случаи отпадения начальной согласной: *зе^нли здыма^м* («вздымать»), *со^звозу, у звозя^н* ([#вз] → [з]); *со ста^бки* («со вставками»), *стрѣ^ни* ([# фс] → [с]). Кроме того, часто выпадает согласный [с] в сочетании [сс] на стыке приставки и корня: *роса^дново, роса^нно^н, роста^бку* («расставка»), *3 росохи*.

В заключительном разделе 1.3.13 рассмотрены случаи мены сонорных согласных между собой, а именно взаимные замены плавных *р - л*: *ка^фта^н бѣро^н; сѣлые, пролу^бнику* (от «прорубь»), *збида^л*; и носовых *м - н*: *у Микифора, у Микиты Микифорова, ка^нила^бка* («камилавка» – тип одежды), *бе^з ще^нпуровъ*. Считается, что мена сонорных имеет непосредственную связь с высокой степенью вокальности сонорных.

Глава 2 посвящена реконструкции **шенкурского диалекта XVII в.** Она структурирована так же, как и Глава 1. Здесь прежде всего дается полный список рукописей, на основании которых производилась реконструкция говора.

В разделе 2.1 рассматриваются основные вопросы, связанные с системой ударного вокализма диалекта XVII столетия. На основании большого количества написаний с буквами **ѣ, е** и нескольких примеров с **и** на месте *ѣ перед твердыми, мягкими согласными, а также на конце слова было установлено, что в шенкурском говоре под ударением еще существовала фонема <ѣ> (раздел 2.1.1). Однако она уже начала утрачиваться и совпадать с <е>, о чем свидетельствуют случаи замены **ѣ** на **е** и обратные. Примеров с буквой **и** на месте *ѣ мало (всего 7), основное число таких случаев приходится на позицию перед мягкими согласными: *сви^н, хлибе^нному, симени, тѣлогри^ку, сиять, смо^три^м* (инфинитив). Вероятно, гласный [ê] или [ие] (в котором реализовывался *ѣ) под влиянием следующего за ним мягкого согласного более сближался с гласным [и], чем в положении перед твердыми, поэтому именно перед мягкими согласными писцы могли сбиваться с **ѣ** на **и**. Произнесение закрытого гласного [ê] и

дифтонга [ие] из *ě спорадически встречается в записях шенкурского говора 70-х гг. XX в.: [посмотр'иёл'и, појёд'ет, п'иёс'н'и, б'ёл'ен'к'и, м'иёс'ац'] – между мягкими; [покр'иёпч'е, згор'иёл, т'иёсто, н'ёт, л'ёс, по р'ёкам] – перед твердыми согласными, что подтверждает вероятность существования фонемы средне-верхнего подъема в говоре ранее. Итак, получается, что в шенкурском диалекте XVII в. процессы, связанные с судьбой *ě, еще не завершились и в описываемый период фонема <ě> все еще продолжала существовать в фонетической системе говора.

Далее в том же разделе рассматриваются замены *е* на *и* между мягкими согласными (в *Ми^дляшу* (топоним «Медлеша»), *у ка^значия*, *Патрекиева*, *Дорофиева*, *Тимофиевъ* и др.), а также обратные замены *и* на *е* (за *лучену*, *овче^нную*, *све^мку*; на *свете^лна*, *каде^лницу*). Такое явление отмечалось в шенкурском говоре начала XX в. (*артиль*, *килья*), однако к настоящему моменту оно почти утратилось.

Переход [е] в [о] перед твердыми согласными в положении под ударением (раздел 2.1.2) в шенкурском говоре XVII в. происходил как в формальных элементах (например, *моржовые*, *у...жы^лцовъ*), так и в корнях слов: *жоло^б*, *шо^лся*, *два деся^мка веровокъ*, *кола^р* и др., что свидетельствует о его фонетической природе. Однако ряд написаний с буквой *ѣ* на месте *е в позиции потенциального перехода [е] в [о] свидетельствует о сохранении звука [е] в этом положении, то есть об отсутствии описываемого изменения в таких формах, как *по^дѣмъ*, *вперѣ^р*, *Семѣ^ну*, *у счѣ^ту*, *3 верѣ^ки*, *всѣ^н новое*, *во^змѣ^тъ* и др. Такое же положение вещей сохраняется в шенкурском говоре до XX в.; наряду с примерами перехода [е] в [о] есть немало слов, в которых звук [е] не изменяется: [над'ёжно, соб'ер'ёмс'а, соб'ер'ём, дал'ёко, зал'ёк, ф шшёлку, жёнк'и] (записи 70-х гг. XX в.).

В разделе 2.1.3 рассматривается вопрос о переходе ударного [а] в [е] после мягких согласных. Видимо, в реконструируемом диалекте к XVII в. это изменение уже установилось, об этом свидетельствуют написания с буквами *е* и *ѣ* на месте *а: *пе^м ру^бле^с*, *Докуче^н*, *двѣ^н теги* («тяги»), *о^м пѣ^ти тѣлѣ^ти^н* и др. Произношение [е] на месте *а под ударением сохраняется в говоре до настоящего времени: [оп'ёт', сплавл'ёл'и, гр'ёс', вз'ёт', гов'ёд'ина] (2007 г.).

Наконец, опираясь на написания с заменой буквы *о* буквой *у* под ударением (*ку^бши^к*, *на коруве^н дво^р*, *кунюху*, *бу^нку смолы*, *кужу*), мы можем поставить вопрос о фонеме <ô> или ее следах в шенкурском говоре XVII в. (раздел 2.1.4). Однако отсутствие следов этой фонемы в более поздних записях говора, а также характерная для описываемого диалекта усиленная

лабиализация [o] в [y] в безударных слогах (см. об этом ниже) позволяет предположить, что написания типа *ку^вши^к* и др. отражают лишь фонетическую черту – усиление лабиализации звука [o] в соседстве с губными или заднеязычными согласными, а не объясняются фонологической спецификой говора.

Вокализм безударных слогов шенкурского диалекта XVII в. реконструирован в разделе 2.2. В разделе 2.2.1 рассмотрена позиция после твердых согласных и в абсолютном начале слова. По материалам рукописей для говора восстанавливается различие гласных <o> и <a> во всех безударных слогах, т.е. полное оканье, см. примеры из исследованных документов: *два колачика, зороде^и, борановые, тотарину, гогарину, за... корова^и, розо^шлосе* и др. Отдельные написания с буквой **a** на месте *o – *са^да^тцко^и, Левани^о* и некоторые другие – объясняются в основном заимствованием диалектом этих слов в таком варианте огласовки, так что они не нарушают сложившейся системы.

В безударных слогах после твердых губных, заднеязычных и [л] отмечено усиление лабиализации [o] в [y]: *бу^иницу, полужи^и*; *къ... хумутам; воилукъ* и др. Это фонетическое явление фиксируется в диалекте до сих пор: [бул'эс', угул'кóм; утрав'íлас', пуд ос'íну] (записи 2007 г.); *войлук, яблук* (записи начала XX в.). Кроме этого, в рукописях встречаются случаи замены буквы **ы** на **у** или **о**: *с у^спо^оки* («с исподками», здесь звучал [ы], см. об этом ниже), *о^счинь суры^х, за посо^нно^и хл^тб* и др. Вероятно, звук [ы] в шенкурском диалекте XVII столетия был гласным заднего ряда, т.е. за такими написаниями стоит отражение реального произношения писцов.

В разделе 2.2.2, где рассматриваются особенности безударных гласных в позиции после мягких согласных, шипящих и <ц>, сначала исследованы реализации *ě в первом предударном слоге. На основании написаний с буквами **e** и **и** на месте *ě, а также материалов синхронной диалектологии XX в. было установлено, что в описываемом положении перед твердыми согласными на месте *ě звучал [e], а перед мягкими – [e] или [и]. В записях 70-х гг. XX в. отмечено много примеров произношения открытого гласного на месте *ě перед твердыми согласными: [п'аскú, в л'асú, двá м'едв'ажóнка, б'агóм, за р'акóј, см'ашнúју] и мн. др. Учитывая, что в рукописях XVII в. из Важского Богословского монастыря встречается написание с **я** на месте *ě в заударном положении (*вымяни^и* – см. ниже), мы предполагаем, что шенкурскому говору могла быть свойственна, но не отразилась реализация *ě в открытом гласном и в первом предударном слоге, ведь огласовки типа [п'аскú] в XX в. вряд ли являются инновацией.

На месте *е в позиции первого предударного слога могли произноситься звуки [e], [ʼo] перед твердыми согласными (например, *тро^ску*, *узо^лка*), [и] перед твердыми и мягкими согласными (*Ниро^н*; *киле^нно^н*, *Па^нтил^лжевы^м*) и открытый звук типа [ʼa] перед твердыми и мягкими согласными (*Ярасиму*, *Яфимову*, *пшаницы*). Все эти звуки на месте *е отмечались в шенкурском говоре вплоть до 70-х гг. XX в.

Этимологическое *а в первом предударном слоге в шенкурском говоре реализуется в звуках [ʼa] или [e] перед твердыми согласными (*ерлык^ь*, *о^кте^бря*, *у Тре^тека*) и в [e] перед мягкими согласными (*мекины*, *свещеника*, *от девети*, *ре^дник^ь*, *десе^ти^ничи^м* и др.).

Система вокализма первого предударного слога после мягких согласных, шипящих и <ц> шенкурского диалекта XVII в. может быть представлена в виде таблицы:

Перед твердыми согласными		Перед мягкими согласными
[e] (и, возможно, [ʼa])	*ё	[e], [и]
[e], [ʼo] ([ʼa], [и])	*е, *ь	[e] ([ʼa], [и])
[e], [ʼa]	*а	[e]

Вокализм второго и других безударных слогов после мягких согласных, шипящих и <ц> типологически сходен с вокализмом первого предударного слога. В этой позиции восстанавливается [e] перед твердыми и [e], [и] перед мягкими согласными на месте *ё; древний *е мог звучать как [e], [ʼo] или [ʼa]; на месте этимологического *а, видимо, произносился [e], но для надежных выводов о регулярности этого явления у нас недостаточно примеров.

В заударном положении после мягких согласных, шипящих и <ц> на месте *ё восстанавливаются звуки [e] и [и] (в редких случаях: *выми^няли*, *в озер^и*, *о^тда^н Г^ари^ли*), а также реликтовое произношение открытого гласного [ʼa] – *вымя^ни^н*, что может свидетельствовать о такой реализации исконного *ё в диалекте-предке шенкурского говора. Этимологический *е в заударном положении, так же, как и в предударных слогах, реализовался в звуках [e], [ʼo] (*пяторо*, *сани пош^они*), [ʼa] (*уля^дки*, *телятино^к* и^р*шяны^х*¹⁶, *из Ме^дляши*) и [и] (*дени^с*, *в Ме^длишу*; *Неча^ива*, *Оле^кси^ива*, *Васи^лив^ь*). Однако возможен вариант произношения [ʼy], видимо, вследствие усиления лабиализации [ʼo]: *туюсь* («туес» – коробка из бересты с деревянной крышкой) *в Ме^длюшу*; *улюди*. На месте *а реконструированы звуки [ʼa] перед твердыми и [e] перед мягкими согласными (*месе^чины*, *за месе^ч*, *зае^чю*, *к памяти*, *тысечю*, *десе^м*).

¹⁶ Иршенный – диал. ‘замшевый’.

В разделе 2.2.3 исследуются написания с вставными гласными, например: с *оржаною*, *исыпо^тки*, *важеского*, *наогоро^дцыки^х* и др. – в части из этих случаев вокалическая вставка возникает, вероятно, для того, чтобы избежать появления сложнопроизносимых сочетаний согласных. В формах *масала* («масла»), *в шенкурскомъ*, *у Лукояна*, *два свердела* вставной гласный возникает на стыке двух согласных, один из которых сонорный или [j]. В начале XX в. в шенкурском говоре протетические и эпентетические гласные еще встречались, а более поздних записях диалекта подобное явление уже не фиксировалось.

Раздел 2.3 посвящен диалектным фонетическим явлениям в области консонантизма. Сначала рассматриваются вопросы, связанные с губными спирантами (раздел 2.3.1). Написания *у фторого*, *ф^нрямую*, *ф^кладу*, *ф поче^сть*, в которых отражается оглушение [в] в [ф] в слабой позиции, а также случаи гиперкорректного употребления **в** на месте **ф** (*ка^втаны*, *ка^втановъ* и др.) свидетельствуют о губно-зубном образовании <в>. Кроме того, в рукописях из Важского Богословского монастыря есть примеры протетического и эпентетического [в]: *в во^ттари*, *во^хры*, *во^тчимъ*; *мери^нца ковура*, *у Семивона*, *у Леванида* и др. Установлено также, что в XVII в. шенкурскому диалекту уже была известна фонема <ф>, на это указывают примеры *Е^фре^м*, *на Федор^ф*, *у Софрыгина*, *ка^фта^н*, *олифы*, *на про^сфиры*. Отдельные случаи замены **ф** на **х** (*Малах^иеву*, *Стахею*, *ю^хть* и др.) могут быть реликтами той эпохи, когда фонема <ф> еще не была усвоена консонантной системой говора.

Далее в диссертации рассматриваются вопросы, касающиеся поведения заднеязычных согласных (раздел 2.3.2). На основании слов *кавчекъ*, *де^ктю*, *Де^ктеве*, в которых отражается оглушение [г] в [к] в слабой позиции, а также примера с непозиционным оглушением *ыкумен^ккую* (см. об этом ниже) был сделан вывод о смычном взрывном качестве фонемы <г> в живой речи носителей шенкурского говора. При этом некоторые имена и слова церковнославянского происхождения произносились, видимо, с [γ], о чем свидетельствуют написания *Ерасиму*, *арха^нель^ско^н* и др. В диалекте XVII в. восстанавливается переходное смягчение задненебных согласных, см. написания *верхо^нки ... мяки^нные* («мятинный» – сыромятный) и *в Ме^сляшу*, *ме^сляш^ско^н вл^ти* (топоним «Медлеша»), в которых отражены обратные замены [т'] на [к'] и [д'] на [г']. Примеры описываемого явления зафиксированы в записях начала XX в.: *анделы*, *еванделисты*, *Серд^дѣй*, *Евд^дения*; *бант^теты*, *Март^телл*. Наконец, в шенкурском говоре в XVII в., видимо, еще не закончилось изменение сочетаний [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и]:

и³ кру^шкы, на две мо^ско^вкы, стр^ле^чкые, с Ываном Ширкы^м; сапогы, ден^ы; ве^мхы и др. В диалектных записях XX - XXI вв. такое произношение не отмечено.

Шипящие согласные описываются в разделе 2.3.3. Оказалось, что в XVII в. в шенкурском говоре <ш> и <ж> уже были твердыми (например, *нешытые, о^твешывали, по^стошы^т, в Ме^дляшы и жывотины, служытеля^м, дружныне* и др.), однако реликтовые случаи мягкости или полумягкости шипящих согласных иногда встречались: *телятино^к и^ршыны^х, Шюрухину; кожю* – к XX в. такое произношение окончательно утрачивается. Долгие шипящие согласные (раздел 2.3.4) в шенкурском диалекте XVII в. произносились, судя по всему, фрикативно и были твердыми (*печи^шша, щыпуновъ, щыпака; прие^жжа^л, во^жжы* и др.). Кроме того, возможно, шенкурскому говору было свойственно шепелявое произношение мягких свистящих согласных. Этот вывод сделан на основании материалов более поздних диалектных записей: *м^тс^шиц, м^тс^шич, ус^шердно; з^жемля* (начало XX в.); [у с^шестры, с^шид'ат, с^шобстры] (70-ые гг. XX в.).

Рукописи позволяют восстановить для шенкурского диалекта XVII столетия мягкое цоканье: *кожицю, крицю, ста^рцю* (фонема <ц> реализуется в мягком [ц']); *цере^нного* (на месте шипящей аффрикаты произносится [ц']) и пример гиперкорректной замены **ч** на **ц** – *крицю* («крица» – слиток, кусок металла определенного веса). Вероятно, в некоторых случаях аффриката [ц'] могла также утрачивать смычный или фрикативный элемент, вследствие чего возникали написания *А^нсифору, О^нсифорову* (произношение [с']) и *ниценицы* (гиперкорректная замена **т** на **ч**), *стчеталь, месе^дца, пом^тсе^тчины* (произношение среднее между [ц'] и [т']).

Редкое фонетическое явление, отраженное в памятниках из Важского Богословского монастыря, исследуется в разделе 2.3.7. Речь идет о написании **кл** на месте праславянского сочетания *tl: *со^чкли, соч^ккли, за^чкли* и др. (всего 9 примеров в разных рукописях). С большой долей вероятности мы имеем дело с отражением реального произношения писцов; такая реализацией праславянского сочетания *tl была характерна для говоров севернокривичского ареала, что сближает шенкурский диалект с псковским. Севернокривичская фонетическая особенность, обнаруженная в текстах, отражающих шенкурский говор, заставляет обратить внимание на одно написание из исследованных рукописей – *ке^твери^к ржы*. Слово *четверик* в говоре с мягким цоканьем должно было произноситься *[ц'ет'в'ер'йк], т.е. мы имеем дело с написанием **ке-** вместо ожидаемого **це-** (**че-**), что может опосредованно указывать на отсутствие в прошлом шенкурского диалекта 2-

ого переходного смягчения заднеязычных согласных. Тем более, что современным архангельским говорам известны слова без эффекта 2-ой палатализации: *кэвка, кеж, кежь, кэпы, кэлыть*.

В шенкурском диалекте восстанавливается твердое произношение зубных, губных и заднеязычных согласных в позиции сандхи перед <и> (раздел 2.3.9): *с ыгуменомъ; в ы³де^ржку; к Ывану* и мн. др.

В разделе 2.3.10 рассматриваются случаи непозиционного озвончения и оглушения согласных, которое было свойственно говору в XVII в.: *запоги, зибу^н, жу^бно^н* («шубный»); *по^дсве^{жс}никъ* («подсвечник», здесь сочетание *чън предварительно преобразовалось в [шн]) – написания с непозиционной звонкостью; *сел^тно^н, ы^кумен^скую, сипу^н* и др. – примеры непозиционного оглушения. Затем, в разделе 2.3.11 анализируются написания, отражающие непозиционную твердость / мягкость согласных: *тедати^нки, кду^чни^к, око^нницу слду^дную, масо, взаль; по^лти^ню, пасилали, а^лти^н* и др.

Кроме того, по данным рукописей XVII в., в шенкурском говоре регулярным было позиционное оглушение (например, *жере^нца, у по^ткела^рника, на и³дер^шку, у^сково, на прое^сть*) и озвончение (например, *о^ддали, з дружыны, збирать*) согласных. В памятниках также есть много примеров, отражающих ассимилятивные, диссимилятивные изменения и упрощение групп согласных (раздел 2.3.13). Ассимиляция в основном бывает по способу образования (*ж жуко^сско^н*), диссимиляция также касается способа образования согласных (*два ло^хти, х ко^лмогорамъ, х голове*). Упрощениям чаще всего подвергается средний звук в группе из трех согласных (*капу^сни^к, с ы^сцом, по^д ско^т...слать*), однако иногда отпадает и начальный звук: *змо^стье* («взмостье»).

Мена согласных рассматривается в разделе 2.3.15, в основном она касается пар *р - л*: *ста^рцу Ирина^рху, ста^рцу Идина^рху, на дологу, кле^стья^н*; и *л - н*: *десяти^лники, к десяти^лнику* («десятинник»). В рукописях есть также примеры замены *х* на *к*: *ве^ткое коле^нко, ве^рко^нки* – за которыми, вероятно, стоит отражение реального произношения.

В **Заключении** сформулированы основные результаты исследования.

В первую очередь выделены совпадающие особенности вокализма и консонантизма холмогорского и шенкурского говоров:

1) сохранение особой фонемы переднего ряда средне-верхнего подъема <ё> в ударной позиции (она была свойственна диалектам, по крайней мере, перед твердыми согласными) и утрата ее в безударном положении;

2) нерегулярность перехода ударного [e] в [o], а также наличие предударного и заударного ёканья;

3) последовательное различие [o] и [a] во всех безударных слогах;

- 4) усиление лабиализации [o] в [y] в безударных слогах;
- 5) наличие <в> губно-зубного образования, усвоение фонемы <ф>;
- 6) взрывное <г>, в слабой позиции оглушаемое в [к];
- 7) мягкое цоканье;
- 8) преимущественно твердое произношение <ж> и <ш> (хотя в ряде случаев можно предполагать наличие мягкого или полумягкого произнесения шипящих);

9) твердость и фрикативное произношение долгих шипящих согласных.

Установлены различия между холмогорским и шенкурским диалектами, которые объясняются в основном либо разной скоростью развития фонетических систем говоров, либо влиянием диалектов-предков (в случае в шенкурском говором – новгородским влиянием).

Фонетическое явление	Холмогорский говор	Шенкурский говор
а) изменение ударного [a] в [e] между мягкими согласными;	непоследовательное изменение	наличие изменения
б) заднерядное произношение [ы] в 1-ом предударном слоге;	не отмечено	[ы] может быть гласным заднего ряда
с) гласный предударных слогов на месте *ё между мягкими согласными;	[e] (редко [a])	[e], [и]
д) гласный 1-ого предударного слога на месте *а перед твердыми согласными;	[a]	[e], [a]
е) реализация гласного 1-ого предударного слога на месте *а между мягкими согласными;	[e], [a]	[e]
ф) изменение [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и];	регулярное	зафиксированы многочисленные случаи неперехода
г) сочетание <i>кл</i> из праславянского *tl	не отмечено	отмечено в ряде примеров

Прослежена эволюция основных звуковых черт говоров с XVII по XXI в. Изменения в большей степени коснулись системы вокализма, консонантная же система преобразовывалась незначительно. В обоих говорах

утратились фонемы средне-верхнего подъема <ô> (если она была) и <ё> в ударной позиции. Последняя в шенкурском говоре совпала с <e> перед твердыми согласными, а между мягкими согласными реализовывалась, видимо, в звуках [и] и [е], со второй половины XX в. [и] на месте *ё под ударением уже почти не встречается. В холмогорском говоре <ё> совпала с <e> во всех позициях (правда нельзя исключать и спорадической реализации *ё в [и] между мягкими согласными). В безударных слогах в шенкурском говоре звук [и] на месте *ё между мягкими согласными со второй половины XX в. вытесняется звуком [е].

Система консонантизма холмогорского говора с XVII века изменилась следующим образом: практически утратилось переходное смягчение заднеязычных согласных и шепелявое произношение [с"], [з"], а звуки [ш'] и [ж'] окончательно уходят из диалекта к середине XX века. В шенкурском говоре изменениям подверглись сочетания [кы], [гы], [хы]; утратилось, видимо, [кл] из праславянского *tl, переходное смягчение заднеязычных согласных и произношение шепелявых свистящих (последние две черты – с середины XX в.). Мягкие шипящие согласные не отмечаются уже с начала XX столетия. В обоих диалектах нивелировке подвергается мягкое цоканье и произнесение слов с непозиционным оглушением / озвончением и смягчением / отвердением.

Наконец, фонетические системы холмогорского и шенкурского говоров были сравнены с отдельными звуковыми особенностями других архангельских диалектов, описанных ранее. Оказывается, что все изученные говоры имеют много общего, а шенкурский диалект, долгое время контактировавший с вологодскими говорами, в XVII в. по ряду параметров отличался от них. Таким образом, архангельские говоры представляют отдельное языковое образование, сложившееся, видимо, еще до XVII столетия.

Основные положения диссертации отражены в **публикациях**:

1. **Лопухина А.А. О некоторых аспектах предистории архангельского диалекта (по данным местной деловой письменности XVII века) // Вестник МГУ, серия «Филология», 2011, № 5. С. 109 - 118.**
2. **Лопухина А.А. К истории фонемы <ё> в одном из архангельских говоров XVII века // Вестник Московского государственного областного университета, серия «Филология», 2011, № 3. С. 67 - 69.**

3. Меркулова А.А. (Лопухина) Непозиционная твердость / мягкость согласных в архангельских говорах XVII века // Материалы XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2007». М., 2007. С. 93 - 96.

4. Меркулова А.А. (Лопухина) Мена звуков [e] / [и] под ударением в некоторых архангельских говорах XVII века // Материалы XV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008». М., 2008. С. 145 - 147.

5. Лопухина А.А. О некоторых фонетических изоглоссах в одном из архангельских говоров конца XVI-XVII вв. // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна: Тезисы докладов. М., 2011. С. 37 - 39.

6. Лопухина А.А. Некоторые особенности фонетики шенкурского говора XVII века // Материалы XVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2011». М., 2011. С. 537 - 538.